

Дверь в одиночную палату была уже закрыта, горел лишь ночной светильник на тумбочке. Его тусклый жёлтый свет падал на лицо матери: она спала, но брови её были нахмурены, будто ей снился какой-то кошмар, а рука крепко сжимала край одеяла, словно даже во сне она чего-то боялась.

Шэнь Нянь не чувствовала сонливости. Она уже привыкла к таким ночам — побочные действия химиотерапии вызывали ломоту во всём теле и тошноту, а чтобы просто перевернуться, приходилось тратить все силы. В семнадцать лет, в том возрасте, когда положено бегать по спортивной площадке и шуметь в классе, она лежала на больничной койке, считая капли лекарства, падавшие в систему.

С самого детства она жила в прекрасной семье. Родители занимались бизнесом, были обеспеченными людьми и никогда не позволяли ей нуждаться ни в чём. Она захотела заняться фортепиано — и дома тут же купили инструмент; захотела покататься на лыжах — родители бросили работу и увезли её в Швейцарию. Ей казалось, что жизнь устроена именно так: всё, чего ни пожелаешь, тут же оказывается у тебя, а дорога впереди широка и бесконечна, и идти по ней можно куда угодно.

Однако весной шестнадцатого года всё разрушил один-единственный бланк анализов. Острый лимфобластный лейкоз, филадельфийская хромосома — положительный, группа высокого риска.

Она не понимала этих профессиональных терминов, но отлично понимала лица родителей. Ужас, боль за неё и фальшивые улыбки, на которые они натягивали лица, — этого она не могла забыть всю жизнь.

Год. За этот год она перенесла бесчисленные курсы химиотерапии, две пункции костного мозга, неисчислимо количество люмбальных пункций и заборов крови. Из любящей наряжаться, заниматься спортом и есть острую говядину в хот-поте девчонки она превратилась в лысую, страшно исхудавшую пациентку, которую от одного вида воды мутило прямо на больничной койке. Родители возили её в Пекин, Шанхай, Токио, водили к бесчисленным отечественным и зарубежным специалистам, но ответы всегда были одними и теми же: У вашей дочери ещё более редкий подтип, на данный момент других методик лечения нет.

Она прекрасно понимала, что значат слова «нет других методик лечения». Врачи не говорили этого ей в лицо, но она подслушала. В коридоре мать рыдала так, что не могла перевести дыхание, а голос отца дрожал: Придумайте что-нибудь ещё, умоляю, придумайте что-нибудь ещё...

Она закрыла дверь палаты, забралась обратно на кровать и натянула одеяло с головой.

В ту ночь лунный свет был необычайно ярким. Через щель в занавеске она смотрела наружу: луна казалась белой, как иней, она ложилась на подоконник, на пол, на тыльную сторону её собственных исхудавших, похожих на скелет рук. Она думала о многом: о тех летних днях, когда маленькой бегала во дворе за папой; о песенке, которую напевала мама, заплетая ей

косички; о моменте перед экзаменом по фортепиано, когда от напряжения потели ладони; о большом стакане чая с молоком и жемчужинами тапиоки из того магазинчика у школьных ворот.

Она не думала лишь об одном — о смерти. Не потому что не боялась, а потому что не смела. Страшна была не сама смерть, а то, что станет с остальными после неё: будут ли у мамы глаза красными от слёз, поседеет ли отец за одну ночь, и неужели к домашнему фортепиано больше никто и никогда не прикоснется?

Но она чувствовала, как с каждым днём слабеет. Ноги становились всё тоньше, стоило лишь чуть сильнее надавить пальцем на бедро или руку, как на коже оставалась ямка, которая не выпрямлялась; уровень тромбоцитов катастрофически падал, десны кровоточили даже от чистки зубов; её тошнило от любой еды, желудок выворачивало наизнанку так сильно, что подступала жёлтая желчь. Она явственно ощущала, как её жизнь, подобно пламени свечи, слабеет от каждого дуновения ветра.

Мать спала на соседней кровати; даже во сне на её лице застыло скорбное выражение, брови были сурово сдвинуты, а на уголках глаз блестели ещё не высохшие слёзы. Глядя на лицо матери, Шэнь Нянь чувствовала такую боль, будто кто-то сжимал её сердце в кулак.

Именно тогда в её голове зазвучал голос — не через уши, он возник прямо в глубине сознания, холодный, механический, лишённый всяких эмоций.

«Хотите ли вы принять участие в игре на выживание на необитаемом острове? В случае поражения вы вернетесь в прежний мир, в случае победы сможете исполнить любое желание».

Шэнь Нянь замерла и огляделась по сторонам. Никаких камер, никаких динамиков, мама всё ещё спала, в палате было тихо, слышен был лишь слабый писк кардиомонитора. Это не розыгрыш и не слуховые галлюцинации.

Она уставилась на лунный свет за окном и шевельнула губами.

— Участвую.

Слово вырвалось из горла — хриплое, слабое, но твёрдое. Ей уже нечего было терять.

Белый свет поглотил её.

Как и другие игроки, Шэнь Нянь попыталась исследовать этот остров, на что у неё ушло гораздо больше времени, чем у остальных, пока на пляже она не обнаружила деревянный сундук с сокровищами. Открыв его, она нашла внутри капсулу, рыболовную удочку и пакет с хлебом. С любопытством достав капсулу, она увидела подсказку системы: [Лекарство от острого лимфобластного лейкоза: приняв этот препарат, пока вы живете в этой игре, ваша

болезнь не будет прогрессировать, с течением дней состояние станет постепенно улучшаться вплоть до полного выздоровления через 365 дней. Однако после приема этого лекарства в случае поражения в игре оно немедленно теряет силу, а в случае победы вы не сможете загадать желание.]

Шэнь Нянь ни секунды не сомневалась и тут же проглотила капсулу. То ли это было самовнушение, то ли нет, но она действительно почувствовала, что тело стало намного легче. Это укрепило её веру в одно непреложное правило:

Выжить!

Приняв лекарство, Шэнь Нянь открыла мировой чат. Информация пестрила перед глазами в таком изобилии, что рябило в глазах. Заметив, что многие упоминают слово «талант», она, последовав примеру других игроков, открыла личную панель.

[Игрок: Шэнь Нянь. ID: 001727.

Таланты: Родство с водой. Активный эффект: вы можете определенным образом управлять водой, детали узнайте самостоятельно. Пассивный эффект: вы не можете употреблять в пищу любые морепродукты, в случае ошибочного употребления показатель выносливости снизится и вы впадете в состояние слабости.]

За тот год с лишним, пока она болела, она часто листала короткие видео и читала романы, поэтому сюжеты с попаданием в игры были ей знакомы. Она уже не сомневалась, что это не розыгрыш, а значит, ключ к спасению крылся в её таланте.

Она попыталась использовать талант.

Закрыв глаза, она представила, как влага из воздуха притягивается к её ладони, и лишь спустя несколько минут ей удалось сформировать водяной шар размером с футбольный мяч. Она решила, что дело в сильной жаре вокруг и малом количестве молекул воды. Тогда она подошла к самому морю, присела на корточки и опустила обе руки в воду. По её мысленному приказу вода начала закручиваться воронкой, словно её размешивала невидимая рука, после чего со взломавшегося гребня поднялся водяной шар размером с кулак и замер прямо над её ладонью. Она не видела, что находится внутри, но отчётливо ощущала подмешанный песок и мельчайший планктон. Посмотрев на шар пару секунд, она вдруг подумала о том, чтобы убрать всю грязь. Вода по её воле медленно разделилась на слои, и в конце концов в левой руке осталась чистая, прозрачная вода, а в правой — отделившиеся примеси. Выбросив грязь из правой руки, она поднесла воду к губам и сделала глоток.

Это была пресная вода. Ни капли соли, ни горького привкуса — настоящая питьевая вода.

Она попробовала сделать так ещё несколько раз, пока не почувствовала легкое головокружение, и только тогда остановилась. Каждая новая удача укрепляла её в

уверенности, что она способна очищать морскую воду до пресной, и это давалось куда легче, чем формировать водяной шар прямо из воздуха.

Помимо этого, она попыталась порыбачить. По сравнению с использованием таланта рыбалка оказалась куда сложнее. Из-за слабого здоровья ей было трудно подолгу концентрироваться, а долгое сидение под палящим солнцем вызывало сильное недомогание. На то, на что у других уходило часа четыре-пять, у неё уходило шесть или даже семь часов, но она стиснула зубы и продолжала терпеть. Её талант был очень силен, но и побочные эффекты сказывались тяжело, поэтому она понимала, что обязана добывать пригодную для еды пищу и припасы для долгого выживания.

Закончив двадцать попыток рыбной ловли, она снова открыла мировой чат.

Она набрала текст: «У меня есть пресная вода, хочу обменять на еду, морепродукты не предлагать». Долго ждя ответа, она получила личное сообщение от игрока по имени Лю Ян, который поинтересовался, сколько у неё воды и предложил взамен лапшу быстрого приготовления. Она ответила: «Пятьсот миллилитров пресной воды на три пачки лапши».

После недолгих торгов они сошлись на сделке: пятьсот миллилитров воды за две упаковки лапши.

В ту минуту, когда сделка завершилась, в её руке оказалась пачка лапши со вкусом тушеной говядины. Разорвав упаковку, она разломала брикет на мелкие кусочки и стала отправлять их в рот, судорожно пережёвывая. Никогда в жизни лапша быстрого приготовления не казалась ей такой вкусной.

Следующие несколько дней она жила за счет обмена пресной воды.

На третий день она обменяла воду на полкине риса и пачку соли. Вскипятив воду в найденной жестяной консервной банке, она сварила кашу; рисовые зёрна крутились в кипятке, источая очень легкий, чистый аромат. Налив себе пиалу и не обращая внимания на обжигающий жар, она жадно выпила большую её часть. Выросшая в изобилии и никогда ни в чём не нуждавшаяся девушка даже представить себе не могла, что миска обычной каши может стать таким счастьем.

Уверенность в обращении с талантом росла с каждым днём.

К пятому дню она уже легко извлекала из морской воды по несколько десятков литров пресной воды, делая это всё быстрее и быстрее. За эту воду она выменяла небольшой пакет муки, банку тушенки, две пачки печенья и несколько сосисок, ей даже удалось скопить немного очков выживания.

Однако радость длилась недолго.

Перед самым стихийным бедствием на седьмой день всё больше людей заполучили дистилляторы и прочие устройства для стабильного получения воды, и ценность пресной воды резко упала. Времена, когда за пачку быстрорастворимой лапши отдавали двести миллилитров воды, канули в лету; сначала литр давали за пачку, а затем и вовсе три литра за пачку. Её запасы таяли на глазах, а выменивать удавалось всё более скудные вещи.

Она начала думать о том, о чём раньше даже бояться было страшно: если пресная вода перестанет цениться, чем ей питаться?

Она не могла есть морепродукты. Такова была расплата за талант. Она попыталась сделать это лишь однажды — вечером шестого дня, когда у неё совсем не осталось еды, она подстерегла момент на берегу, с помощью контроля воды оглушила рыбу и вытащила её на песок. Но стоило ей сделать первый укус, как система выдала предупреждение, что морепродукты несъедобны и скоро наступит состояние слабости. Её желудок тут же скрутило от резких спазмов, началась жуткая рвота, извергавшаяся до тех пор, пока не пошла одна жёлтая желчь. Лишь спустя два часа приступ начал постепенно отступать. С тех пор она больше никогда не прикасалась ни к чему, что таилось в морской пучине.

Но иного выхода она придумать не могла. Съедобной наземной пищи на острове было до обидного мало: всего две кокосовые пальмы, и кокосы зрели далеко не каждый день.

Её охватило глубокое чувство бессилия.

На седьмой день пришла катастрофа.

Тайфун. Когда выскочило системное уведомление, ветер уже бушевал вовсю, обрушивая шквал на её убежище — хлипкую лачугу из досок. К сожалению, это укрытие продержалось недолго: подобно домику из сказки про трёх поросят, его сдуло в мгновение ока.

Сильный ветер трепал её хрупкое тело, дождь хлестал словно кнутом, и ей казалось, что в следующую секунду её просто унесет в небеса.

Тогда она вспомнила про свой талант.

Протянув обе руки, она призвала всю воду, что находилась вокруг. Морская вода, дождевые потоки, пенящиеся волны — всё устремилось к ней, закручиваясь, спрессуясь и замерзая вокруг её тела, пока не сформировало огромный водяной шар диаметром более двух метров, полностью укрывший её внутри. Снаружи бушевала непогода, но в сердце водяного сферы царил удивительное спокойствие. Она сидела на корточках в самом центре шара, прислушиваясь к пронзительному свисту бури снаружи. Шар раскачивало, несколько раз он едва не распадался, и тогда она изо всех сил собирала его заново. Сколько времени прошло — она не знала. Ветер стих, дождь прекратился. Рассеяв шар, она обессиленно рухнула на риф, насквозь промокшая.

Системное уведомление гласило: [Стихийное бедствие завершено. Получено 100 очков выживания.]

Лёжа на камнях, она жадно хватала ртом воздух. Она знала, что пережила этот кошмар, но понимала и другое: если так пойдет и дальше, следующего катаклизма ей не пережить.

С восьмого по десятый день она безуспешно пыталась найти союзников.

Она отправила в мировой чат бесчисленное количество одинаковых сообщений: «Мой талант — Родство с водой, умею опреснять морскую воду, обладаю неплохой защитой, ищу команду». Многие проявляли интерес, писали в личку, но в итоге всё упиралось в один и тот же вопрос: «Если ты не ешь морепродукты, что тогда? На твоём острове есть хлебное дерево?» Она молчала. Наземную еду можно было купить в магазине: хлеб, рис, муку, мясо, овощи — всё это требовало немалого количества очков выживания. Сейчас же большинство игроков тратило очки на чертежи и полезное снаряжение, а покупать еду — да ещё и специфическую — было слишком роскошно. Собеседники подсчитывали выгоду, понимали, что затея убыточна, и разговор затихал.

Раз, второй, третий. Она привыкла.

Её тело вовсе не восстанавливалось так быстро, как хотелось бы. Лекарство остановило ухудшение, но дефицит сил после химиотерапии и длительного истощения нельзя было восполнить за пару дней. Она рыбачила намного медленнее других: при вытягивании лески руки дрожали, при забросе плечи ныли от боли. Еда заканчивалась, и ей всё чаще приходилось голодать. Глядя порой в зеркало, она видела перед собой оживший скелет.

В полдень одиннадцатого дня она сидела на рифах — голодная, с кружащейся от слабости головой. Выпив немного созданной ею самой воды, она почувствовала себя еще более голодной. В этот момент талант подсказал ей, что вдалеке по водной глади на большой скорости несется что-то крупное: не волна, не рыба, а остров. Настоящий остров, который куда-то перемещался.

Она резко вскочила, сердце заколотилось в груди. Если этот незнакомец согласится объединиться с ней или хотя бы поторговать...

Отвернувшись, она побежала к самой высокой точке острова и вытащила из кармана маленькое зеркальце в розовой оправе — то самое, что она выловила раньше. Подняв его и поймав солнечный лучик, она принялась менять угол наклона, пуская зайчики. Раз, два, три.

Остров, остановившийся неподалеку, никак не отреагировал.

Стиснув зубы, она протянула руки к морю и задействовала внутренние силы таланта. Вода перед ней взметнулась вверх, словно маленький фонтан, мощный водяной столп взмыл в небо на добрый десяток метров. Наверху струя рассыпалась, превращаясь в густую водяную взвесь.

Солнечный свет, проходя сквозь брызги, преломился в слабую радугу. Она непрерывно регулировала напор, заставляя фонтан бить выше, а радугу — гореть ярче, пока не истощила все силы.

Остров повернул курс.

Она увидела это.

Судорожно размахивая зеркальцем, она всем сердцем чувствовала: надежда на выживание прямо перед её глазами!

Остров приближался. Шэнь Нянь не могла совладеть со своими мыслями: в памяти всплывали прочитанные истории о призрачных островах и паранормальных явлениях, и в то же время её пугала мысль, что хозяин острова может оказаться дурным человеком, который отберет её припасы или учинит что похуже.

«Сама толком не зная, кто там, я опрометчиво привлекла к себе внимание, а сил уже не осталось. Вдруг у него злые намерения — я ведь даже талант применить не смогу». От этих мыслей сердце Шэнь Нянь заколотилось с новой силой.

Пока она предавалась тревожным раздумьям, остров остановился. Между двумя участками суши пролегал узкий трех-четырёхметровый пролив, волнения почти не было, и она могла разглядеть напротив каждую деталь.

На противоположном берегу стояла молодая девушка примерно её лет. Взгляд Шэнь Нянь сначала упал на её волосы: длинные пряди были просто собраны в хвост на затылке, а несколько выбившихся прядей трепетали на ветру. Кожа оказалась смуглой — здоровый оттенок загара, полученного под палящим солнцем. Черты лица нельзя было назвать красивыми, скулы немного выдавались, но в глазах и бровях читалось нечто невыразимое. В этом выражении не было ни мягкости, ни жесткости — лишь твердая уверенность человека, который точно знает, что делает. Невысокая ростом, около метра шестидесяти, она стояла прямо, впившись босыми ногами в песок, словно крепкое дерево, вросшее в пляж.

Девушка напротив заговорила первой. Голос негромкий, но отчетливый:

— Что-то случилось? Хочешь поторговать?

Шэнь Нянь приоткрыла рот, но в горле будто застрял ком. Ей хотелось сказать: «Я хочу обменять кое-что из еды», «Я могу отдать воду», «Я уже несколько дней хожу голодной», но с губ не слетело ни звука. Губы задрожали, глаза покраснели, и из груди вырвался лишь жалкий всхлип:

— Я...

Она шмыгнула носом и вытерла глаза рукавом, пытаясь унять охватившее её волнение.

Тогда девушка напротив произнесла снова:

— Не плачь. Какая бы беда у тебя ни была, расскажи, я помогу.

Сделав глубокий вдох, Шэнь Нянь выровняла голос:

— Я... я хочу обменять еду. Не нужно морепродуктов, подойдет что угодно, взамен отдам пресную воду.

— Не нужно морепродуктов? — удивилась Чжан Сяого. Заметив на Шэнь Нянь мешковатую сине-белую больничную пижаму, которая висела на исхудавшем теле как на вешалке, а также торчащие наружу запястья толщиной с сухую ветку, она подумала про себя: «И при этом такая переборчивая, раз до сих пор голодает?»

Видя, что Чжан Сяого молчит, Шэнь Нянь решила, что та недоумевает из-за её странного отказа от морепродуктов, и честно призналась в побочном эффекте своего таланта.

— Вот оно что, — произнесла Чжан Сяого, мысленно извинившись перед незнакомкой за то, что поспешила назвать её капризной. Оказалось, всё дело в таланте, точно так же, как она сама не могла пользоваться удочкой. Продолжая разговор, она добавила: — У меня сейчас нет с собой еды, но мой попутчик скоро передаст её мне по обмену, подожди немного.

Шэнь Нянь открыла рот, собираясь сказать: «Ничего страшного, я могу подождать», но её собственный желудок издал предательское урчание, которое прозвучало удивительно громко над тихой водной гладью. Её лицо мгновенно залилось краской.

Словно ничего не услышав, Чжан Сяого открыла интерфейс личных сообщений и отправила Линь Ду весточку. Тот ответил довольно быстро, и она подробно пересказала ему историю Шэнь Нянь. Линь Ду успокоился: услышав о бедственном положении девушки, он захотел помочь всем, чем мог — в нынешних реалиях игроки всё же не были заклятыми врагами и дело не дошло до борьбы на жизнь и смерть. К тому же талант Шэнь Нянь представлялся крайне полезным, и если завязать с ней дружеские отношения, то обмен большого количества пресной воды на еду выглядел отличной сделкой.

Поэтому Линь Ду не раздумывая применил двойной талант к только что приготовленному стейку, оставив себе лишь крошечную порцию, а остальное отправил Чжан Сяого вместе с только что выловленной банкой консервированных желтых персиков, наказав накормить гостью.

Извлекая из инвентаря два алюминиевых блюда, Чжан Сяого поставила одно перед собой. На нем лежали аккуратно нарезанные кусочки стейка с хрустящей коричневой корочкой, в

разреze виднелась розовая мякоть, а на дно подноса стекал мясной сок. На втором подносе красовались персиковые консервы: золотистые дольки фруктов плавали в прозрачном сиропе.

Чжан Сяого подогнала свой остров вплотную к острову Шэнь Нянь — жаль только, что система запрещала игрокам высаживаться на чужие территории, иначе она непременно перебралась бы к ней. Поделившись с Шэнь Нянь большей частью еды, она услышала испуганное:

— Я столько не съем!

Продолжая настойчиво протягивать тарелки, Чжан Сяого заставила её принять угощение, и только тогда Шэнь Нянь прошептала:

— Спасибо. Меня зовут Шэнь Нянь.

— Чжан Сяого.

Смущение от первой встречи было сломано. Две девушки-ровесницы, столкнувшиеся с выживанием в неизведанном мире и искренне желавшие протянуть друг другу руку помощи, быстро нашли общий язык.

— Как ты пережила всё это время? Я так давно не видела живых людей, давай поговорим.

Опустив голову, Шэнь Нянь теребила пальцами край одежды. Помолчав секунду-другую, она заговорила, повествуя о своей болезни ровным, спокойным голосом, словно рассказывала чужую историю. Её голос не дрогнул даже тогда, когда она упомянула о многочисленных отказах в создании команды.

Выслушав её, Чжан Сяого была потрясена до глубины души. Она никак не ожидала, что хрупкая с виду Шэнь Нянь обладает столь мощным талантом, позволившим ей без труда пережить тайфун, и в её мыслях зарождались совсем другие планы.

Промолвив короткое «угу», Чжан Сяого воздержалась от банальных утешений. Шэнь Нянь не знала, что та в этот момент строчила очередное сообщение в личку Линь Ду.

Чжан Сяого во всех красках обрисовала положение Шэнь Нянь: тяжелобольная девушка с неистовой жаждой жизни, обладающая к тому же даром легко справляться со стихийными бедствиями.

Линь Ду уловил скрытый подтекст: с одной стороны, Чжан Сяого явно приглянулись способности Шэнь Нянь, с другой — ей хотелось выручить другую «себя». Однако формирование команды не было пустяком; с каждым новым участником уровень стихийных бедствий возрастал, а если учесть ещё и Чжан Сяого с Шэнь Нянь, то опасность увеличилась бы сразу на две ступени. Не сумев принять решение сгоряча, он оставил сообщение без ответа.

Тем временем Шэнь Нянь наконец расправилась с едой, тщательно вылизав соус с тарелки. Опустив блюдо, она подняла голову — её глаза покраснели, но в них горел невероятный, пронзительный свет.

— Что... что вам нужно взамен? Я сейчас могу делать немного воды, у меня еще остались припасы после рыбалки и обмена, правда, их не так много, но я могу показать...

— Ладно тебе, брось, — отмахнулась Чжан Сяого. — Считай, это угощение за наш счёт.

<http://bllate.org/book/21183/2145149>